

Смагулова Д.Ж., студентка 3 курса Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева

УЧРЕЖДЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ И СОСТАВОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ СНГ

Данная статья рассматривает юрисдикцию Международного Уголовного Суда, соответствие норм Римского Статута нормам других международных договоров, а также его влияние на уголовное законодательство стран СНГ.

Given article considers jurisdiction of the International Criminal Court, conformity of norms of the Roman Statute to norms of other international contracts, and also its influence on the criminal legislation of the CIS countries.

Международный уголовный суд называли¹ отсутствующим звеном в международно-правовой системе поскольку, Международный Суд в Гааге² рассматривает дела об ответственности государств за международно-противоправные деяния, в то время как вопрос об индивидуальной ответственности физических лиц за международные преступления оставался нерешённым. Принятие Римского статута Международного уголовного суда, учредившего специальный орган уголовной юрисдикции, вне всякого сомнения, явилось важнейшим событием десятилетия международного права Организации Объединённых Наций.

Юрисдикция Международного уголовного суда ограничивается самыми серьёзными преступлениями, вызывающими озабоченность всего международного сообщества. Согласно ст. 5 (1) МУС обладает юрисдикцией в отношении следующих преступлений: а) преступление геноцида; б) преступления против человечности; с) военные преступления; d) преступление агрессии. Указанные формулировки преступлений опираются на такие важнейшие договорные источники, как Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним 1977 г., Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. и т.д., большинство положений которых являются частью международного обычного права. Поэтому необходимость пресечения таких деяний как военные преступления, геноцид и т.п. возникает независимо от участия государства в вышеуказанных договорах³.

Таким образом, криминализация преступлений, подпадающих под юрисдикцию МУС, с одной стороны, позволяет имплементировать договорные обязательства государств либо реализовать нормы международного обычного права в сфере пресечения тяжких международных преступлений, в борьбе с которыми проявляет заинтересованность все международное сообщество, с другой стороны, дает возможность самому государству осуществить преследование геноцида, военных преступлений и т.д., сводя к минимуму ситуации, когда дело может быть согласно принципу дополнительности принято к производству МУС.

Ст. 6 Римского статута (“геноцид”) полностью отражает определение геноцида данное в ст. II Конвенции геноцида 1948 г. Большинство стран СНГ является стороной

---

¹ International criminal tribunals. International review of the Red Cross, Geneva, 2006

² Статут Международного Суда; P-M Dupuy Le juge et la règle de droit. Paris, RGIP, 1989 ; V.Chetail The contribution of the International Court of Justice to international humanitarian law. Geneve, Revue internationale de la Croix-Rouge, 2003 pp.235

³ См. об этом: Консультативное заключение Международного суда от 28 мая 1951 г. “Оговорки к Конвенции о предупреждении геноцида и наказании за него” // International Court of Justice Reports. Vol. 15. 1951.

Конвенции⁴ и имплементировали обязательства по пресечению преступления геноцида, предусмотрев уголовную ответственность за геноцид. Вместе с тем, учитывая, что принципы, лежащие в основе Конвенции, признаны в международном праве в качестве обязательств *erga omnes*, даже без каких-либо договорных обязательств, все государства обязаны преследовать геноцид, поскольку осуждение этого преступления носит универсальный характер.

Уголовное законодательство всех государств СНГ предусматривают ответственность за геноцид. Это деяние охватывается уголовными кодексами Республики Узбекистан (ст. 153), Республики Кыргызстан (ст. 373), Республики Таджикистан (ст. 398), Республики Беларусь (ст. 127), Республики Казахстан (ст. 160), Азербайджана (ст. 103), Российской Федерации (ст. 357), Грузии (ст. 407), Украины (ст. 442) и других государств СНГ. Так же, как в конвенционном определении и ст. 7 Римского статута, национальные уголовные кодексы для квалификации преступления не устанавливают условия фактического уничтожения идентифицируемой группы; но предполагают в качестве обязательного условия прямой умысел на уничтожение и одну из составляющих действий объективной стороны преступления. Соответствие понятия геноцида по Конвенции 1948 г. и предусматриваемых национальным уголовным законодательством стран СНГ представляется чрезвычайно важным, поскольку позволяет обеспечить адекватность объективных и субъективных характеристик данного деяния в уголовных кодексах и ст. 7 Римского статута, которое также опирается на конвенционное определение.

Согласно ст. 8 Статута, Суд обладает юрисдикцией в отношении военных преступлений. При этом в ст. 8 (2) различаются четыре категории военных преступлений:

а) серьезные нарушения Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. Римский статут воспроизводит определения, содержащиеся в указанных Конвенциях – в ст. 50 Женевской конвенции “Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях” (ЖК I); ст. 51 Женевской конвенции “Об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение” (ЖК II); ст. 130 Женевской конвенции “Об обращении с военнопленными” (ЖК III); ст. 147 Женевской конвенции “О защите гражданского населения во время войны” (ЖК IV);

б) серьезные нарушения законов и обычаев, применяемых во время международных вооруженных конфликтов, дефиниции которых опираются на такие международные источники как Дополнительный протокол I 1977 г. к Женевским конвенциям, Гаагское положение о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г., Гаагская декларация о легко разворачивающихся и сплюсчивающихся пулях 1899 г., Женевский протокол о применении газов 1925 г.;

в) серьезные нарушения ст. 3, общей для четырех Женевских конвенций, применяемой в вооруженных конфликтах немеждународного характера;

г) другие серьезные нарушения законов и обычаев, применяемых во время немеждународных вооруженных конфликтов, составы которых основываются на Дополнительном протоколе II к Женевским конвенциям, Гаагском положении о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. и т.д.

Страны СНГ, ратифицировавшие Женевские конвенции 1949 г. либо присоединившиеся к ним⁵ несут обязанность по всестороннему соблюдению и

---

⁴ Информация о государствах-участниках Конвенции получена из: <http://www.unhcr.ch/html/menu3/b/treaty1gen.htm>): Республика Узбекистан – 9 сентября 1999г. Республика Казахстан – 26 августа 1998 г.; Республика Молдова – 26 января 1993 г.; Российская Федерация - 3 мая 1954 г.; Украина – 15 ноября 1954 г.; Азербайджанская Республика – 16 августа 1996 г.; Республика Беларусь – 11 августа 1954 г.; Грузия – 11 октября 1993 г.; и т.д.

⁵ Информация о государствах-участниках Конвенции получена из: <http://www.icrc.org>. Даты ратификации или присоединения: Азербайджанская Республика – 1 июня 1993 г.; Российская Федерация 10 мая 1954 г.; Республика Беларусь – 3 августа 1954 г.; Грузия – 14 сентября 1993 г.; Республика Казахстан – 5 мая 1992 г.; Республика Армения– 7 июня 1993 г.; Республика Кыргызстан – 18 сентября 1992 г.;

обеспечению соблюдения их положений, и в том числе, в сфере преследования военных преступлений. Меры по криминализации военных преступлений в национальном уголовном законодательстве осуществлены многими государствами СНГ, однако лишь УК Азербайджана, Республики Беларусь, Грузии и Республики Таджикистан, частично Украины являются совместимыми с Римским статутом в части определения военных преступлений, причем ответственность за указанные деяния наступает независимо от ситуации конфликта, который может быть как международным, так и внутренним.

Достаточно близка к отмеченным выше уголовным кодексам позиция УК Узбекистана, которая в ст. 152⁶ предусмотрела ответственность за нарушение законов и обычаев войны, хотя и не охватила полный перечень деяний, составляющих согласно ст. 8 Статута военные преступления. Многие государства СНГ, реформировавшие свои уголовные кодексы, предусмотрели разделы об ответственности за преступления против мира и человечности. Однако при этом военные преступления как они определены в ст. 8 Статута не получили в них адекватного отражения. Поэтому в случае принятия в соответствии с национальным законодательством решения о ратификации Статута возникнет необходимость осуществления соответствующих имплементационных мер.

Римский статут Международного уголовного суда является первым международным договором универсального характера, который содержит определение преступлений против человечности. В ст. 7 Римского статута предусмотрен широкий перечень деяний, рассматриваемых как преступления против человечности. При этом Статут, определяя преступления против человечности, не требует связи с каким-либо вооруженным конфликтом, хотя и оговаривает условия, при которых могут совершаться преступления против человечности: согласно ст. 7 (1) «преступления против человечности» означают соответствующие деяния, которые совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц и, если такое нападение совершается сознательно.

Анализ положений Уголовных кодексов стран СНГ не предполагает ответственности за преступления против человечности, так как предусмотрено в ст. 7 Статута МУС. Частично подобная ответственность предусмотрена УК Республики Беларусь, ст. 128 которой («Преступления против безопасности человечества») охватывает такие действия как депортация, незаконное содержание в заключении, обращение в рабство, массовое или систематическое осуществление казней без суда, похищение людей, за которым следует их исчезновение, пытки или акты жестокости, совершаемые в связи с расовой, национальной, этнической принадлежностью.

Уголовное законодательство Узбекистана не предусматривает специальной нормы о преступлениях против человечности, но в главе 8 УК предусматриваются преступления терроризма, наёмничества, возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды.

Отдельные составы преступлений против человечности охватываются и ст. 403 УК Республики Таджикистан (депортация, применение практики апартеида и других негуманных и унижающих действий, оскорбляющих достоинство личности, основанных на расовой дискриминации и повлекшее за собой смерть или серьезный ущерб физическому или психическому состоянию любого лица, пытки и т.д.), хотя и в отличие от Римского статута в данной статье речь идет о деяниях, совершенных в ходе вооруженного конфликта.

Республика Молдова – 24 мая 1993 г.; Республика Таджикистан – 13 января 1993 г.; Туркменистан – 14 апреля 1992 г.; Украина – 3 августа 1954 г.; Республика Узбекистан – 8 октября 1993 г.

⁶ Уголовный Кодекс Республики Узбекистан. Официальное издание, Т., 2004

Уголовные кодексы некоторых стран СНГ (в частности, Республики Казахстан) предусматривают отдельные составы преступлений (например, депортацию), охватываемые ст. 7 Римского статута, однако это не позволяет сделать вывод о соответствии трактовок преступлений против человечности национальных УК и норм Статута.

В случае ратификации Статута и признания юрисдикции МУС странам СНГ будет необходимо предусмотреть ответственность за преступления против человечности как они даны в ст. 7 Статута, включая отсутствие увязки с каким-либо вооруженным конфликтом.

Преступление агрессии оказалось единственным из деяний, подпадающих под юрисдикцию МУС, упоминание о котором в Римском статуте носит характер декларации, тем не менее было принято решение о включении состава преступления агрессии и терроризма в Римский Статут и обсуждение этих вопросов предполагается осуществить в 2009 году.

Согласно ст. 5 (2), Суд осуществляет юрисдикцию в отношении преступления агрессии, как только будет принято в соответствии со ст. 121 и 123 положение, содержащее определение этого преступления и излагающее условия при которых Суд осуществляет юрисдикцию касательно данного деяния. Такое положение соотнобразуется с соответствующими положениями Устава ООН.

Агрессия является наиболее тяжким по своему характеру международным преступлением, причем преступность агрессии неоднократно находила свое выражение в важнейших международно-правовых документах, и в частности, Уставе Нюрнбергского трибунала и нюрнбергских принципах (см. резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН 95 (I) от 11 декабря 1946 г. “Подтверждение принципов международного права, признанных Уставом Нюрнбергского трибунала”), проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества (ст. 16) и т.д.

Кроме того, в ст. 1 (1) Устава ООН предусмотрено, что одной из целей Организации Объединенных Наций является поддержание международного мира и безопасности и принятие эффективных коллективных мер для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии, а ст. 2 (4) в качестве одного из важнейших принципов провозгласила воздержание от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями ООН.

Огромное значение среди международно-правовых документов по проблеме агрессии имело принятие Генеральной Ассамблеей ООН резолюции 3314 (XXIX) от 14 декабря 1974 г., в которой было дано определение агрессии. Согласно ст. 2 резолюции Генеральной Ассамблеи от 15 декабря 1974 г., агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций, как это установлено в настоящем определении. Подавляющее число государств на Римской конференции, высказались за включение агрессии в юрисдикцию МУС, разногласия же касались дефиниции агрессии и условий осуществления юрисдикции в отношении данного деяния.

Большинство стран СНГ в принципе предусматривают уголовную ответственность за агрессивную войну (Российской Федерации – ст. 353; Республики Беларусь – ст. 122; Грузии – ст. 404; Республики Молдова – ст. 139 и т.д.). В указанных статьях речь идет о планировании, подготовке, развязывании, участие в заговоре для осуществления агрессии, начале и ведении агрессивной войны.

Несколько отличную от законодательства других государств трактовку содержит ст. 151 УК Узбекистана, которая устанавливает уголовную ответственность за планирование,

подготовку либо развязывании агрессивной войны, а равно участие в заговоре, направленном на совершение таких действий, за начало и ведение агрессивной войны.

В целом, ответственность, установленная уголовным законодательством стран СНГ за агрессию либо агрессивную войну, опирается на довольно узкую трактовку, не содержащую всего состава тех действий, которые могут быть квалифицированы как агрессия.

На третьем заседании подготовительной комиссии (ноябрь 1999 г.) была создана рабочая группа по преступлению агрессии, которая занята выработкой приемлемого определения. После того, как данное определение будет принято и с учетом ратификации Римского статута потребуются внесение изменений в национальное уголовное законодательство.

Таким образом, отмечая роль и значение МУС, учреждённого Римским Статутом, необходимо особо отметить его влияние на гармонизацию законодательств об уголовной ответственности за международные преступления многих государств, в частности, на примере стран СНГ, такая тенденция однозначно наблюдается в общем в мировом сообществе.